

Источник: Халявина О. А. Профессиональное самоопределение сквозь призму истории : повесть В. Ф. Тендрякова «Шестьдесят свечей» / О. А. Халявина // Экзамен на зрелость : (проблемы профессионального самоопределения героев произведений В. Ф. Тендрякова) / БУК ВО «Вологод. обл. юнош. б-ка им. В. Ф. Тендрякова», Читальный зал. – Вологда, 2013. – С. 25-29.

2.4. Профессиональное самоопределение сквозь призму истории.

Повесть В.Ф. Тендрякова «Шестьдесят свечей» (1980 г.)

Повесть «Шестьдесят свечей» автор пытался напечатать в журналах «Дружба народов» и «Новый мир» в 1967 г., но к читателю она пришла только в 1980 г., пережив несколько редакций. Она тоже вызвала споры вплоть до полного несовпадения мнений. По повести в 1991 году был снят фильм «Черный коридор», она издавалась в Болгарии, ГДР, Чехословакии, Японии.

Примечательно, что главным героем произведения стал не просто учитель, а учитель истории, уже пожилой, уважаемый в г. Карасино шестидесятилетний человек – Николай Степинович Ечевин. Повествование ведётся от первого лица в исповедальной манере. В день своего юбилея среди поздравительных писем и телеграмм он обнаруживает неожиданно письмо с обвинением в том, что он «многолетний очаг общественной заразы» и его следует убить, за анонимной подписью «ваш бывший ученик». Недоумевающий учитель истории начинает искать врагов в своем окружении: он подозревает жену, дочь, свою первую любовь, своих учеников, но потом он обращает взор вглубь себя и с тревогой осознаёт, что на протяжении своей жизни был не таким уж

хорошим человеком, каким он сам себя считал. И стремясь делать добро, принес людям много зла.

Ечевин родился в бедной и неблагополучной семье, мать ни разу не погладила его по голове, называла «хлебогадом», «прорной», «постылым семенем». а отец-сапожник под пьяную руку из матчишки «давил масло». Свет в окошке Коля увидел, когда в его жизнь вошел учитель Иван Семенович Граубе, содержавший школу для бедных детей на деньги и своего богатого брата. Он дарил мальчику подарки, давал книги и внимательно относился к его жизни. Повзрослев, Николай полюбил его дочь Таню

После революции школу возглавил выходец из социальных низов, идейный борец за революцию Иван Суков, потребовавший отмежеваться от учителя Граубе. И Ечевин после неудачной попытки уговорить Таню отказаться от отца, как классово-чуждого элемента, предал любимого учителя.

Спустя десятилетия он исковеркал жизнь собственной дочери Веры, настояв на её исключении из школы, когда она в шестнадцать лет забеременела от учителя физкультуры, дочь вышла замуж за алкоголика, и, не видя любви и ласки в семье, примкнула к баптистской секте. Отец также мог исковеркать и жизнь её сына, если бы Вера не прибегла к угрозе самоубийства.

После войны учитель Ечевин из благих побуждений убедил ученика Сергея Кропотова не защищать честь своего отца, обвиненного в сотрудничестве с гитлеровцами на оккупированной ими территории. Он и оказался анонимным автором письма с угрозой изменившего весь внутренний мир Николая Степановича.

Как же относится историк к своей профессии, к её событиям и личностям? Оказывается, вполне равнодушно: «Люблю историю... Когда-то к событиям давно минувших веков я относился с молодой страстностью. Я лютый ненавистью ненавидел Святополка Окаянного и восторженно почитал Святослава Игоревича. Все столетия были переполнены моими личными друзьями и недругами. Детское неравнодушие, им часто болеют даже прославленные историки. *Давно уже нет у меня личного отношения к Святополку Окаянному, плох он или хорош, наивный вопрос.* Он просто часть того времени, той далёкой жизни, той почвы, из которой выросли мы с вами. Если бы Иван Калита оказался человеком благородным, то вряд ли ему удалось бы под татарским игом сколотить сильное Московское княжество. Беспринципная лезть и неразборчивое ловкачество – оружие Калиты, не будь его, как знать, сколь долго существовала бы ещё татарщина и как бы выглядела теперь наша Россия? Люблю историю такой, какая есть. *чтоб ни случилось со мной, со страной, со всем миром, я уже знаю – бывало и не такое, ничему не удивляюсь*». Ученые считают, что именно *способность человека удивляться* и

рождает философское мышление, способность искать личностные смыслы и открывать новое. Ечевин подчинился объективным обстоятельствам времени и согласился мыслить, как винтик, жить по формуле «цель оправдывает средства», отказался от личного мнения, духовно умер.

Несмотря на интересные методы преподавания им своего предмета, например, еженедельные задания ученикам седьмых – десятых классов написать сочинения на определенную историческую тему, иногда самую неожиданную, не по изучаемой в данный момент по программе, *такое же равнодушие* Николай Степанович *воспитывает и у учеников*, заставляя их воспроизводить факты. Его воспитанники «всегда поражают широтой знаний на экзаменах», но *сопереживать* историческим событиям и людям в них действующим, *думать* над фактами не учатся.

Переломным моментом в осознании своей педагогической несостоятельности послужил разбор сочинений десятиклассников об эпохе Ивана Грозного. Во всех сочинениях красиво рассказывалось о прогрессивной роли грозного царя в становлении могущества Российского государства, и только ученица Зоя Зыбкова, ссылаясь на историка XIX века Н. И. Костомарова, осмелилась утверждать «не в духе времени, не по нашему», что Иван Грозный «не мог желать людям лучшего. Если он давил бояр, то просто от злобы. Если и был в его время какой-то прогресс, то это не Ивана заслуга». И учитель задумывается, какую же отметку поставить за сочинение, чтобы, как говорится, были «и волки сыты и овцы целы». В классе на уроке он начинает по-иному смотреть на своих учеников. Особенно Николая Степановича начала тревожить и им привитая способность его учеников в угоду школе, обществу, строю, той самой «объективной воле», не раздумывая, оправдать даже убийство во благо государства и общества. Учитель понимает, свой грех: он «не воспитал негодования к убийству». Вот Лена Шорохова – «лучшая ученица, чемпион в классе по ответам», звучным убежденным голосом смело провозглашает, что большие исторические дела царя Ивана важнее убийства «каких-то дьячковых жён», в то время как «в её возрасте мысль об убийстве даже мышонка должна вызывать отвращение». А за свою долгую педагогическую практику в школе он видел немало Лен Шороховых, любил их, не понимал бунтарей и правдоискателей, не замечал скромных со своим мнением.

Хочется привести характерный диалог Николая Степановича и Лены, который состоялся после уроков, поскольку он касается безличностного отношения Лены к выбору профессии, зависящего не от неё самой, а от обстоятельств и мнения учителя:

« – Какой предмет ты больше всего любишь? – задаю я Лене банальный вопрос.

И она, тем не менее, сразу не отвечает, загнав соболиные брови под беретик, думает. У неё по всем предметам круглые пятёрки, какому отдать предпочтение?

– Историю ты любишь?

– Да, Николай Степанович.

– А черчение?

– Черчение? – переспрашивает она удивлённо.

Я нарушил субординацию: после истории, своего – понимаю, наименее важного! – предмета я вдруг спрашиваю о каком-то черчении.

– Люб-лю, – говорит Лена на всякий случай.

– А математику?

– Люблю.

– А литературу?

– Люблю.

– А биологию?

– Люблю тоже.

– А что же ты не любишь?

Лене неловко от своей любвеобильности, и она несмело поправляется:

– Я вам не совсем верно сказала, Николай Степанович. Черчение я не очень...

Кропотливо, время отнимает, а ни уму, ни сердцу.

– А кем ты собираешься стать?

– Точно пока не скажу... В какой-нибудь технический вуз.

– В технический? Но ты же черчение не любишь, а там это основной предмет. И зачем тебе технический? Ты же любишь историю.

– Что же. Я не прочь на историка...

– Или же на физико-математический! Там черчение не нужно, готовят не техников, а теоретиков.

– Я бы туда с удовольствием, только ведь не каждый попадёт...

– А биология... Впрочем, мы, кажется, уже дошли. Мне направо... Всего хорошего.

– До свидания, Николай Степанович, – бормочет несколько растерянная Лена.

– А черчение ты полюби... на всякий случай.

– Хорошо, Николай Степанович».

Внутренне изменяющийся под влиянием угрозы убийства учитель истории не сможет уже, наверное, написать хорошую характеристику на эту девушку, и себе хорошую характеристику он дать теперь не может.

Нравнодушный к жизни, к истории, к науке, к людям Владимир Тендряков ставит в повести «Шестьдесят свечей» проблему воспитания школой безразличного и обезличенного отношения к миру, личностной незрелости, неготовности старшеклассников самостоятельно разобраться в своих интересах, увлечениях и способностях (да хотя бы надо иметь их!) и осознанно выбрать профессию. Писатель поднимает и проблему духовно-нравственного потенциала педагогических кадров, неспособности некоторых учителей заражать учеников энергией поиска смысла жизни.

Вопросы после прочтения повести «Шестьдесят свечей»

1. Как вы относитесь к урокам истории?
2. Какие исторические события вас волнуют, а какие нет? Почему?
3. Как вы считаете, пригодятся ли вам в жизни те знания по истории, которые вы получаете в школе? Почему?
4. Как вы относитесь к спору о личности Ивана Грозного, чьё мнение вы поддерживаете?
5. Кто и что влияет на выбор профессии?
6. Какие предметы школьной программы вам интересны больше всего? Почему?
7. Как вы считаете, кто виноват в том, что Сергей Кропотков захотел убить своего учителя, уговорившего его отказаться от отца?
8. Почему Ечевин думает, что Таня Граубе простила ему предательство?
9. У повести «Шестьдесят свечей» «открытый финал», она кажется не законченной, автор предлагает домыслить её окончание. Какое бы придумали вы?
10. Какие характеристики вы бы написали Лене Шороховой, другим старшеклассникам?